

Это интересно знать

Спортивные лошади на сцене Большого театра

В Большом театре СССР есть спектакли, о которых он заблаговременно предупреждает Центральный московский ипподром, ибо лошади в них — непременные участники сценического действия. Это оперы «Иван Сусанин» Михаила Глинки, «Князь Игорь» Александра Бородина, «Борис Годунов» и «Хованщина» Модеста Мусоргского, «Сказание о невидимом граде Китеже» Николая Римского-Корсакова, а также балет «Дон Кихот» Людвига Минкуса.

Недаром над эданием театра возвышается квадрига Аполлона — мифический покровитель искусств правит четверкой лошадей. Изваянные из бронзы, украшают они и ипподром. Сама символика сближает ее обладателей. А сколько времени и усилий требует доставка четвероногих артистов с ипподрома в театр, знают лишь работающие с лошадьми Марина Феоктистова и Владимир Исаев. Однажды из-за поломки специальной автомашины перед спектаклем «Иван Сусанин» лошадей пришлось вести по полному автомобильного транспорта улицам Москвы, что оказалось не так-то просто даже в сопровождении милицейского патруля. Но все же успели к концу представления, и артисты Евгений Власенко и Борис Клейман, игравшие Минина и Покжарского, как это и полагается в заключительной сцене, появились перед народом верхом, под звон колоколов и звуки торжественного «Славься!». Ничто не нарушило торжественности момента.

Случались, правда, и казусы. Как-то в опере «Хованщина» лошадь, выведенная на сцену, громко чихнула. И в другой раз произошло то же самое. Пришлось ее уволить с актерской работы. Лошади-артисты должны быть хорошо воспитаны, не бояться яркого света, оркестра и множества людей.

Всем этим требованиям от-

вечает сегодня 20-летний скакун арабской породы по кличке Состав. А раньше всеобщим любимцем театра был серый Мавр, в чьих жилах текла кровь арабских терских лошадей. К сожалению, он погиб в результате несчастного случая, так и не успев сыграть в очередной раз роль Россинанта в балете «Дон Кихот». Самого первого же претендента на нее отбирал в прошлом веке знаменитый балетмейстер Мариус Петипа, постановщик этого спектакля. В своих воспоминаниях он писал, как пошел на Конный рынок, как отыскал там лошадь с уныло повисшей головой и волочащейся задней ногой. При первом своем выходе она имела огромный успех — публика аплодировала, в зале долго не смолкал хохот.

Сезон 1913—1914 годов. В Большом театре идет опера Жюльо Массне «Дон Кихот». Как и задумано, занавесоткрывается при шумной испанской музыке, в ней словно слышатся далекие шаги Россинанта. Под гром аплодисментов появляется Шалаяпин-всадник, контрастом рядом с ним — маленький Санчо Панса на осле. Вид у Шалаяпина торжественный. Когда он пел, лошадь под ним, казалось, плясала от восторга.

К тому же времени относится запись из дневника известной балерины Екатерины Гельцер, связанная с ее выступлением в балете «Шубертиана». «Найти сквозную линию образа Ундины, — пишет артистка, — мне помог эпизод отъезда рыцаря — Михаила Мордкина. На одной из репетиций на сцену привели красивую лошадь, на которой мой партнер, игравший рыцаря, уезжал от Ундины в глубины леса. Я стремительно бросилась за ним и повисла на стремени, обвивая волосами его ноги (волосы у меня были очень длинные, до полу, льяного цвета). Несколько мгновений я пролетала, уцепившись за стремя, — это

было рискованно, но красиво». Сохранился, правда, прозаический акт, составленный 14 февраля 1914 года, — об «ушибе левой ноги», причиненном ей «копытом, обутым в кожаный галош», когда она «бросилась к рыцарю, сидящему на лошади».

А может быть, стоит обойтись без них? Писал же Всеволод Пудовкин, известный артист и кинорежиссер, следующее: «Лошадь, настоящая живая лошадь на сцене Большого театра. Все знают, насколько нелепо и дико появление живой лошади на фоне картинных декораций». Теперь их нет в опере «Мазепа» П. И. Чайковского, поставленной Сергеем Вондарчуком, хотя он-то знает толк в коннице, если судить по его фильму «Война и мир». А режиссер Борис Покровский недавно упрекнул тех любителей оперы, для которых внешние эффекты не менее важны, чем вокальные данные исполнителя.

Как бы то ни было, в Большом театре пока не отказываются от услуг лошадей. Когда зрители видят певца, восседающего в седле, они сильнее проникаются правдоподобием и масштабностью событий, отображаемых на сцене. Был бы неуверителен в сцене своего недолговечного триумфа певчий Самозванец в «Борисе Годунове». Вот почему Владимир Щербаков и другие исполнители этой партии с таким нетерпением ожидают появления за кулисами Составы. Один из них сказал, что когда выезжаешь на нем на сцену, чувствуешь себя настоящим претендентом на престол.

Чтобы обрести эти навыки, нужны занятия в школе верховой езды Центрального московского ипподрома или дополнительные репетиции под руководством Марины Феоктистовой и Владимира Исаева. Всем хорошо для артистов серый Состав — и характером, и экстерьером, и сценическим опытом. Но возраст у него такой, что ему нужно гото-

вить замену, как и 17-летнему Хмелю вороной масти, представляющему тракенинскую породу. В свое время они пришли на смену Мавру и Судьбе.

Хватает работы конной дружине Большого театра. За кулисами перед выходом на сцену лошадей чистят, облачают их в нарядную сбрую, обувают в специальные резиновые галоши с войлочной прокладкой, чтобы они не скользили, не портили пол. Когда это нужно, и сам Исаев надевает старинную одежду и сопровождает своих питомцев. В «Хованщине», например, Состав появляется дважды: на нем верхом выезжает Иван Хованский, а потом его запрягают в телегу, предназначенную для пленных стрельцов.

Как-то певица Елена Образцова, увидев во время представления этой оперы Артура Эйзена, проверяющего конную упряжь, спросила, где он научился мастерству верховой езды. «Я потомственный конник», — гордо ответил Эйзен. И это действительно так: еще будучи мальчиком, он научился лихо гарцевать у своего отца — военного кавалериста. Сохранить это умение в зрелые годы ему помогли регулярные занятия конным спортом.

Необходимы эти навыки артистам и вдали от Москвы — во время гастролей Большого театра. Так бывало в Канаде, Болгарии или Японии, где московских лошадей подменяли их коллеги канадского, болгарского или японского происхождения. Случалось и наоборот. Когда в Москве выступал миланский театр «Ла Скала», не остался без дела предшественник Владимира Исаева — Иван Шорин. В одной из итальянских опер он готовил сразу трех лошадей — Мавра, Смарагда и Судьбу. Чтобы гости привыкли к ним, приходилось приезжать в театр часа за полтора-два до начала представления.

Завершилась опера «Иван Сусанин». Укрытые теплыми попонами, получившие угощение — сахар и морковь, Состав и Хмель уезжают на ипподром. Они сыграли свою небольшую, но заметную роль.

Б. ЛАВРЕНКО.
(АПН).